

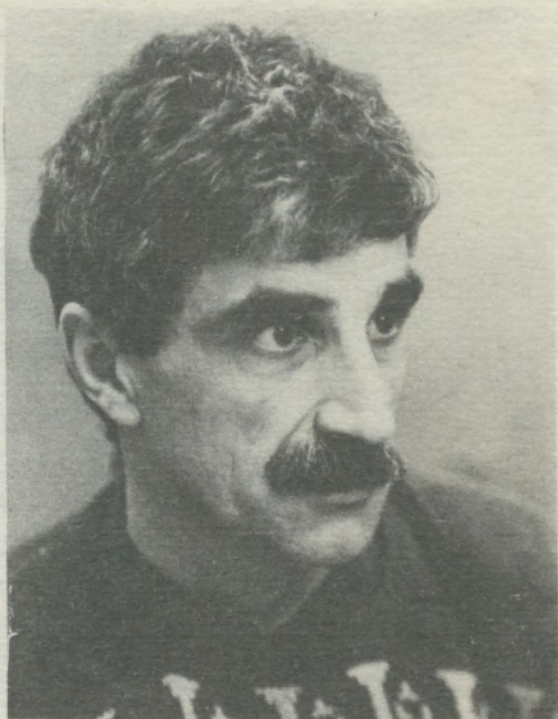
БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

МОСКВА

ISSN 0132-2095

№ 47 1991

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ЕЛКА В КРЕМЛЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 47

Издается с января 1925 года

Игорь ИРТЕНЬЕВ

ЕЛКА В КРЕМЛЕ

СТИХИ

Москва. 1991

Игорь ИРТЕНЬЕВ

Игорь Моисеевич Иртеньев родился в 1947 году. Закончил Ленинградский институт киноинженеров и Высшие театральные курсы. Работал на Центральном телевидении и в газете «Московский комсомолец». Публикуется с 1979 года. Подборки стихов выходили в «Литературной газете», «Литературной России», «Московском комсомольце», в журналах «Огонек», «Новый мир», «Аврора» и др. Книги: «Повестка дня» (АМГА, Париж, 1989 г.), «Попытка к тексту» («Московский рабочий», 1989 г.) «Вертикальный срез», («Советский писатель», 1990 г.). В настоящую книгу вошли наиболее популярные стихи этого поэта.

* * *

Во дни державных потрясений,
В процессов гибельных разгар
На что употребить свой гений?
Куда приткнуть мятежный дар?

Разрушив прежние заносы
На историческом пути,
Национальные вопросы
В порядок должный привести?

Иль в область устремив иную
Полет свободного пера,
Рывком промышленность большую
Поднять со смертного одра?

Смягчить общественные нравы,
Введя оплату по труду?
А избирательное право?
С ним разве все у нас в ладу?

А офицера злая доля
Культурных центров в стороне?
А потребление алкоголя?
А рубль, что падает в цене?

Грядет в стране великий голод,
Гудят подземные толчки,
Тупеет серп,
Ржавеет молот,
Хрустят разбитые очки.
Лишь я, не изменив присяге,
Судьбой прикованный к перу,

Забив на все,
Слагаю саги
На диком вечности ветру.

* * *

Человек сидит на стуле,
Устремив в пространство взгляд,
А вокруг летают пули,
Кони бешено храпят.

Рвутся атомные бомбы,
Сея ужас и печаль,
Мог упасть со стула он бы
И разбиться невзначай.

Но упорно продолжает
Никуда не падать он,
Чем бесспорно нарушает
Равновесия закон.

То ли здесь числа просчеты,
Что сомнительно весьма,
То ли есть на свете что-то
Выше смерти и ума.

ЛЕТАЮЩИЙ ОРЕЛ

Летит по воздуху орел,
Расправив дерзостные крылья,
Его никто не изобрел,
Он плод свободного усилия.
В пути не ведая преград,
Летит вперед,
На солнце глядя,
Он солнца брат
И ветра брат,
А самых честных правил — дядя.
Какая сила в нем и стать!

Как от него простором веет!
Пусть кто-то учится летать,
А он давно уже умеет.
Подобно вольному стиху —
Могуч, но малопредсказуем —
Летит он гордо наверху,
А мир любит внизу им.
Но что ему презренный мир,
Его надежды и страданья?
Он — одинокий пассажир
На верхней полке мирозданья.

* * *

Кончался век, XX век,
Мело, мело во все пределы,
Что характерно, падал снег,
Причем, что интересно, белый.

Среди заснеженных равнин,
Как клякса на листе тетради,
Чернел какой-то гражданин,
Включенный в текст лишь рифмы ради.

Он был беспомощен и мал
На фоне мощного пейзажа,
Как он на фон его попал,
Я сам не представляю даже.

Простой советский имярек,
Каких в стране у нас немало.
Увы, забвению обреч
Мой мозг его инициалы.

Лишенный плоти аноним,
Больной фантазии причуда,
Диктатом авторским гоним,
Брел в никуда из ниоткуда.

Вот так и мы — бредем, бредем,
А после — раз — и умираем,
Ловя бесстрастный оком
Сознанья гаснущего краем.

И тот, кто вознесен над всеми,
И отмеряет наше время,
На этом месте ставит крест
И за другой садится текст.

ПАСТОРАЛЬ

Гляжу в окно. Какое буйство красок!
Пруд — синь,
Лес — зелен,
Небосклон голуб.
Вот стадо гонит молодой подпасок,
Во рту его золотой сияет зуб.

В его руках «спидола» именная —
Награда за любимый с детства труд.
Волшебным звукам
Трепетно внимая,
Ему вослед животные идут.

На бреге водоема плачет ива,
Плывет по небу облаков гряда,
Симптом демографического взрыва —
Белеет аист
В поисках гнезда.

Младые девы
Пестрым хороводом
Ласкают слух,
А также тешат глаз...
Все это в сумме
Дышит кислородом,
А выдыхает — углекислый газ.

* * *

Я женщину одну любил
Тому назад лет двадцать,
Но у нее был муж дебил,
И нам пришлось расстаться.

А может быть, не прав я был?
Ведь если разобраться,
Ну эка невидаль — дебил,
Так что ж теперь, стреляться?

Нет, все же прав тогда я был,
Хоть и обидно было,
А то б он точно нас прибил —
Чего возьмешь с дебила?..

ЭТО ЧТО?

— Это что растет у вас
Между глаз?
Извиняюсь за вопрос.
— Это нос.

— И давно он там растет?
— Где-то с год.
— А что было до него?
— Ничего.

— Не мешает ли он вам
По утрам?
— Утром нет. Вот ночью — да,
Иногда.

— Может, как-нибудь его
Вам того...?
Обратились бы к врачу.
— Не хочу.

Он, глядишь, и сам пройдет
Через год,
А пока пускай растет
Взад-вперед.

ЭТО КТО?

Считалочка для одного

Это кто такой красивый вдоль по улице идет?
Это я такой красивый вдоль по улице иду.

Это кто такой везучий кошелек сейчас найдет?
Это я такой везучий кошелек сейчас найду.

Это кто такой проворный кошелечек подберет?
Это я такой проворный кошелечек подберу.
Это кто его, чистюля, аккуратно оботрет?
Это я его, чистюля, аккуратно оботру.

Это кто его откроет, от волненья чуть дыша?
Это я его открою, от волненья чуть дыша.
Это кто такой наивный не найдет там ни гроша?
Это я такой наивный не найду там ни гроша.

Это кто такой поникший вдоль по улице идет?
Это я такой поникший вдоль по улице иду.
Это кто свою находку тихо за угол кладет?
Это я свою находку тихо за угол кладу.

МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ

Если б кто на спину мне бы
Присобачил два крыла,
Я б летал себе по небу
Наподобие орла.

Я бы реял над планетой,
Гордый пасынок стихий,
Не читал бы я газеты,
Не писал бы я стихи.

Уклоняясь от работы
И полезного труда,
Совершал бы я налеты
На колхозные стада.

Я б сырым питался мясом,
Я бы кровь живую пил,
Ощущая с каждым часом
Прибавленье свежих сил.

А напившись и наевшись,
Я б ложился на матрас
И смотрел бы не мигая
Передачу «Сельский час».

ГОРОДСКИМ ПОЭТАМ

Люблю я городских поэтов,
Ну что поделаешь со мной?
Пусть дикой удали в них нету,
Пусть нет раздолжности степной,
Пусть нету стати в них былинной,
Пусть попан дедовский завет,
Пусть пересохла пуповина,
Пусть нет корней,
Пусть стержня нет.
Зато они
В разгаре пьянки
Не рвут трехрядку на куски
И в нос не тычут вам
Портянки
Как символ веры и тоски.

ПРО ИСКУССТВО

Искусство — достоянье масс
И достижение природы.
Оно сияет, как алмаз,
Когда его почистишь содой.

Оно не терпит суеты
И в то же время волокиты,
Его прекрасные черты
Для всех желающих открыты.

Оно вести способно в бой
И может вывести из строя.
Оно растет само собой,
Как бюст на родине героя.

«Ars longa, vita brevis est» —
Сияет надпись горделиво.
Кто не работает — не ест.
И это очень справедливо.

КЛЕВЕТНИКУ

Твоих стихов охульных звуки
До слуха чуткого дошли.
Была охота пачкать руки,
А то б наелся ты земли.

Но не покину пьедестала,
Хоть мести жар в груди горит.
С зоилом спорить не пристало
Любимцу ветреных харит.

Тебе отпущено не много,
Так задирай, лови момент,
Свою завистливую ногу
На мой гранитный постамент.

ПРОЩАНИЕ

Прощаемся, что ли, родная.
Уезжаю в чужие края.
Эх, кровать ты моя раскладная,
Раскладная подруга моя!

Не стираются в памяти даты,
Знаменуя истории ход.
Я купил тебя в семьдесят пятом
У Петровских тесовых ворот.

Дело было двадцатого мая,
Запоздалой московской весной.
Чем ты мне приглянулась, не знаю,
Но вполне допускаю — ценой.

Пусть не вышла ты ростом и статью,
Нет причины о том горевать,
Ты была мне хорошей кроватью,
Это больше, чем просто кровать.

Я не брошу тебя на помойку
И не сдам в металлический лом.
Пусть покрытая славою койка
Под музейным хранится стеклом.

И пока не остыла планета,
Свой последний свершив оборот,
У музея-кровати поэта
Будет вечно толпиться народ.

* * *

Когда в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг щемящий голос флейты,
О днях прошедших, друг мой, не жалей ты,
Но флейты звуку сердце приоткрой.

Когда в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг призывный голос горна,
Ты сердце приоткрой свое повторно
Звучанью горна, друг бесценный мой.

Когда ж в вечернем воздухе порой
Раздастся вдруг громовый глас органа,
Не шарь в серванте в поисках нагана,
Но и органу сердце приоткрой.

И всякий раз так поступай, мой друг,
Когда очередной раздастся звук,
Неважен тут источник колебания...
Ну, я пошел. Спасибо за вниманье.

МОЯ МОСКВА

Я, Москва, в тебе родился,
Я, Москва, в тебе живу,
Я, Москва, в тебе женился,
Я, Москва, тебя люблю.

Ты огромная, большая,
Ты красива и сильна,
Ты могучая такая,
В моем сердце ты одна.

Много разных стран я видел,
В телевизор наблюдал,
Но такой, как ты, не видел,
Потому что не видал.

Где бы ни был я, повсюду,
Но нигде и никогда
Я тебя не позабуду,
Так и знайте, господа!

СЮЖЕТ ВПОТЬМАХ

Какая ночь, едрит твою!
Черней Ремарка обелиска,
Стоит звезда, склонившись низко
У бездны мрачной на краю.
Звезда стоит... А что Ремарк?
Он пиво пьет, поскольку немец.
При чем тут пиво?.. Вечер темец...
Уже теплей... Пустынный парк
Спит, как сурок, без задних ног,
Тот, от которого Бетховен
Никак отделаться не мог,
Поскольку не был бездуховен,
Не то что нынешние мы...
Но тут опять отход от темы,
От темы ночи!.. темы тьмы...
Никак в проклятой темноте мы
Повествование загнать
Не можем в заданное русло...
Ах, отчего душе так грустно
Рукой усталой окунать
Перо в чернильницыно лоно?..
Опять знакомо все до стона...
Как там?... «волшебницыных уст»...
Там вроде все куда-то плыли...

По направленью к Свану... Или
В том направленье плавал Пруст?..
Марсельцы не забудут Пруста,
Который чуть не сбился с курса
ВКП (б), что Верном был,
Пока компас не подложил
Ему в топор один предатель,
Но, впрочем, видел все Создатель,
И тот потом недолго жил.
Короче, ночь... чем день зимой...
Зимой короче день, а летом
Короче ночь... Ах, боже мой,
Не проще ль написать об этом,
Сюжет направив в колею,
Куда-то сносит все с которой,
Рукой уверенной и скорой:
«Какая ночь, едрит твою!»

ЗАСТОЙНАЯ ПЕСНЬ

Не говори мне про застой,
Не бреди больную душу,
Мне прожужжали им все уши,
Меня тошнит от темы той.

Не говори мне про застой,
Про то, что Брежнев в нем виновен,
А я-то думал, что Бетховен,
Ну, в крайнем случае Толстой.

Не говори мне про застой,
Про то, что нет в стране валюты,
Ведь нашей близости минуты
Летят со страшной быстротой.

Не говори мне про застой
И про инфляцию не надо,
И в даль арендного подряда
Мечтою не мани пустой.

Не говори мне про застой,
Не объясняй его причину,
Не убивай во мне мужчину
Своей наивностью святой.
Дай мне отпить любви настой!

АВТОБУС

По улице идет автобус,
В нем едет много человек.
У каждого — свои заботы,
Судьба у каждого — своя.

Вот инженер
Тире строитель.
Он строит для людей дома,
И в каждый дом,
Что им построено,
Души частицу он вложил.

А рядом с ним
В большой зюйдвестке
Отважный едет китобой.
Он кашалотов беспощадно
Разит чугунным гарпуном.

А рядом с ним
Стоит рабочий.
Его глаза огнем горят.
Он выполнил четыре нормы,
А захотел бы —
Смог и шесть.

А рядом —
Женщина рожает,
Еще мгновенье —
И родит!
И тут же ей уступят место
Для пассажиров, что с детьми.

А рядом — футболист известный
С богиней Никою в руках.

Под иберийским жарким небом
Ее он в честном взял бою.

А рядом — продавщица пива
С косою русою до пят.
Она всех пивом напоила,
И вот теперь ей —
Хорошо.

А рядом в маске Дед-Мороза
Коварный едет
Контролер.
Ее надел он специально,
Чтоб всеми узанным
Не быть.

Но этой хитрою уловкой
Он не добьется ничего,
Поскольку есть у всех билеты,
Не исключая
Никого.

ЗЕМЛЕКОП

Вот землекоп траншею роет,
Вгрызаясь в грунт
За пядью пядь.
То пыль со лба стряхнет порою,
То потную откинет прядь.
Русоволосый, конопатый,
Предрасположенный к вину.
Сжимая верную лопату,
Кряхтя, уходит в глубину.
Вот он в земле почти по шею,
Вот он совсем пропал из глаз.
Растет и ширится траншея,
Такая нужная для нас.
А завтра утром
В час рассветный
Сюда он явится опять
И будет столь же беззаветно

Ее обратно засыпать.
О, Русь, загадочная Русь,
Никак в тебе не разберусь.

СЛУЧАЙ В БОЛЬНИЦЕ

Художественная быль

Острым скальпелем хирург
Разрезал больного,
И узнал в несчастном вдруг
Он отца родного.

Бросил тот свое дитя
В жизни час суровый,
И вот много лет спустя
Свел их случай снова.

Инструмент в руках дрожит,
Сын глядит не видя,
Перед ним отец лежит
В искаженном виде.

Распростерся недвижим,
К жизни вкус утратя,
И не знает, что над ним
Человек в халате.

И не ведает того,
Что внутри халата
Сын находится его,
Брошенный когда-то.

Много лет искал отца
Он, чтоб расплатиться,
И нашел в конце конца
В собственной больнице.

Вот сейчас злодей умрет
От меча науки!
Но хирург себя берет
В золотые руки.

Ощущает сил прилив,
Все отцу прощает
И, аппендикс удалив,
К жизни возвращает.

Со стола отец встает,
Взор смущенный прячет,
Сыну руку подает
И от счастья плачет.

Мы не скажем, случай тот
Был в какой больнице,
Ведь подобный эпизод
В каждой мог случиться.

КАМЕЛИЯ

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Ты зачем своим торгуешь телом
От большого дела вдалеке?

Ты стоишь, как кукла разодела,
На ногтях сверкает яркий лак,
Может, кто тебя обидел где-то?
Может, кто сказал чего не так?

Почему пошла ты в проститутки?
Ведь могла геологом ты стать,
Или быть водителем маршрутки,
Или в небе соколом летать.

В этой жизни есть профессий много,
Выбирай любую, не ленись,
Ты пошла неверною дорогой,
Погоди,
Подумай,
Оглянись!

Видишь — в поле трактор что-то пашет?!
Видишь — из завода пар идет?!
День за днем страна живет все краше,
Неустанно двигаясь вперед.

На щеках твоих горит румянец,
Но не от хорошей жизни он,
Вот к тебе подходит иностранец,
Кто их знает — может, и шпион.

Он тебя, как личность, не оценит,
Что ему души твоей полет,
Ты ему отдашься из-за денег,
А любовь тебя не позовет.

Нет, любовь продажной не бывает,
О деньгах не думают, любя.
Если кто об этом забывает —
Пусть потом пеняет на себя.

Женщина в прозрачном платье белом,
В туфлях на высоком каблуке,
Не торгуй своим ты больше телом
От большого дела вдалеке!

* * *

Меня зовут Иван Иваныч,
Мне девяносто восемь лет,
Я не снимаю брюки на ночь
И не гашу в уборной свет.

Я по натуре мирный житель,
Но если грянет вдруг война,
Надену я защитный китель,
К груди пришпилю ордена

И в нижнем ящике буфета,
Где у меня военный склад,
Возьму «крылатую» ракету,
Ужо, проклятый супостат!

МОНОЛОГ НА ВЫДОХЕ

Нет, мы империя добра!
А не империя мы зла,
Как мы тут слышали вчера
От одного тут мы козла.
Не будем называть страну,
Главой которой был козел,
Мечтавший развязать войну,
От наших городов и сел
Чтоб не осталось и следа,
Но мы ему сказали: «Нет!»
И он был вынужден тогда,
Чтоб свой спасти авторитет
Козлиный, с нами заключить
Один известный договор,
Который должен исключить
Саму возможность всякий спор
Решать насильственным путем,
А нам такой не нужен путь,
Поскольку к миру мы идем,
А если вдруг когда-нибудь
Другой козел захочет вдруг
С пути нас этого свернуть,
Ему мы скажем: «Знаешь, друг,
Вали, откудава пришел!»,
И он отвалит — тот козел.

ПОПЫТКА К ТЕКСТУ

Снег падал, падал и упал,
На юг деревья улетели,
Земли родной в здоровом теле
Зимы период наступал.

Проснулись дворников стада,
К рукам приделали лопаты
И, жаждой действия объаты,
На скользкий встали путь труда.

Ее от пыли отряхну,
Стабилизатор подогну,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

ПЕСНЬ О ЮНОМ КООПЕРАТОРЕ

Сраженный пулей ракетира
Кооператор юных лет
Лежит у платного сортира
С названьем гордым «туалет».

О перестройки пятом годе,
В разгар цветения ея,
Убит при всем честном народе
Он из бандитского ружья.

Мечтал покрыть Страну Советов,
Душевной полон широты,
Он сетью платных туалетов,
Но не сбылись его мечты.

На землю кровь течет из уха,
Застыла мука на лице...
А где-то дома мать-старуха,
Не говоря уж об отце.

Не говоря уже о детях,
И о жене не говоря...
Он мало жил на этом свете,
Но прожил честно и не зря.

На смену павшему герою
Придут отважные борцы
И в честь его везде построят
Свои подземные дворцы.

Зима входила в существо
Вопросов, лиц, организаций,
И в результате дней за двадцать
Установился статус-кво.

Застыл термический процесс
На первой степени свободы...
Зимы ждала, ждала природа,
Как Пушкин отмечал, А. С.,
И дождалась...

ВЕРСИЯ

— Не ходи, Суворов, через Альпы,—
Говорил ему Наполеон,
— Здесь твои орлы оставят скальпы,
У меня здесь войска — миллион.

Говорю тебе я как коллеге,
Как стратег стратегу говорю,
Здесь твои померзнут печенег
На конфуз российскому царю.

Знаю, ты привык в бою жестоком
Добывать викторию штыком,
Но махать под старость альпенштоком —
Нужно быть последним дураком.

Но упрямый проявляя норов,
В ратной сформированный борьбе,
Александр Васильевич Суворов
Про себя подумал: «Хрен тебе».

И светлейший грянул, как из пушки,
Так, что оборвалось все внутри:
«Солдатушки, бравы-ребятушки,
Чудо, вы мои, богатыри!

Нам ли узурпатора бояться?!
Бог не выдаст, не сожрет свинья,

Где ни пропадала наша, братцы?!
Делай, православные, как я!»

И знаменьем осенившись крестным,
Граф по склону первым заскользил,
Этот миг на полотне известном
Суриков, как мог, отобразил.

Так накрылась карта Бонапарта
Ни за грош, пардон, ни за сантим...
С той поры мы в зимних видах спорта
Делаем француза, как хотим.

ПРО ПЕТРА

Опыт синтетической биографии

Люблю Чайковского Петра!
Он был заядлый композитор,
Великий звуков инквизитор,
Пёвец народного добра.

Он пол-России прошагал,
Был бу, лаком и окулистом,
Дружил с Плехановым и Листом,
Ему позировал Шагал.

Он всей душой любил народ,
Презрев чины, ранжиры, ранги,
Он в сакли, чумы и яранги
Входил — простой, как кислород.

Входил, садился за рояль,
И, нажимая на педали,
В такие уносился дали,
Какие нам постичь едва ль.

Но точно зная, что почем,
Он не считал себя поэтом
И потому писал дуплетом
С Модестом, также Ильичом.

Когда ж пришла его пора,
Что в жизни происходит часто,
Осенним вечером ненастным
Недосчитались мы Петра.

Похоронили над Днепром
Его под звуки канонады,
И пионерские отряды
Давали клятву над Петром.

Прощай, Чайковский, наш отец,
Тебя вовек мы не забудем!
Спокойно спи
На радость людям
Нелегкой музыки творец!

* * *

Гуляли мы по высшей мерке,
Ничто нам было нипочем,
Взлетали в небо фейерверки,
Лилось шампанское ручьем.

Какое время было, блин!
Какие люди были, что ты!
О них не сложено былин,
Зато остались анекдоты.

Какой вокруг расцвел дизайн,
Какие оперы лабали,
Каких нам ни открылось тайн,
Какие нам открылись дали.

Какие мощные умы
Торили путь каким идеям,
А что теперь имеем мы?
А ничего мы не имеем.

* * *

Ероплан летит германский —
Сто пудов сплошной брони.

От напасти бусурманской
Матерь Божья, сохрани!

Кружит, кружит нечестивый
Над престольной в небеси,
Отродясь такого дива
Не видали на Руси.

Не боится сила злая
Никого и ничего,
Где ж ты, Троица Святая?
Где родное ПВО?

Где же ты, Святой Егорий?
Или длинное твое
Православию на горе
Затупилося копьё?

Кружит адово страшило,
Ищет, где ловчее сесть...
Клим Ефремыч Ворошилов,
Заступись за нашу честь!

Острой шашкою своею
Порази врага Руси,
Чтоб не смог у мавзолея
Супостат раскрыть шасси.

А и ты, Семен Буденный,
Поперек твою и вдоль!
Иль не бит был Первой конной
Федеральный канцлер Коль?!

Невский-князь, во время оно
У Европы на виду
Иль не ты крошил тевтона
На чудском неслабом льду?!

Но безмолвствуют герои,
Крепок их могильный сон...

Над притихшею Москвою
Тень простер Армагеддон.

* * *

В помойке роется старушка
На пропитания предмет,
Заплесневелая горбушка —
Ее бесхитростный обед.

Горбушку съест, попьет из лужи,
Взлетит на ветку и поет,
Покуда солнце не зайдет,
А там, глядишь, пора на ужин...

* * *

Подайте, граждане, поэту!
Ему на гордость наплевать.
Гоните, граждане, монету,
Поэтам нужно подавать.

Остановись на миг, прохожий,
И очи долу опусти —
Перед тобой посланник Божий,
Поиздержавшийся в пути.

Отброшен силой центробежной
За социальную черту,
Сидит он в позе безмятежной
На трудовом своем посту.

Под ним струя,
Но не лазури,
Над ним амбре —
Ну нету сил.
Он, все отдав литературе,
Сполна плодов ее вкусил.

Гони, мужик, пятиалтынный
И без нужды не раздражай.
Свободы сеятель пустынный
Собирает скудный урожай.

* * *

Печален за окном пейзаж,
Как песня должника,
Но тем не менее он наш,
Советский он пока.

И мы его не отдадим
Ни НАТО, ни ОПЕК,
Покуда жив хотя б один
Непьющий человек.

ДЕПУТАТСКИЙ ЗАПРОС

Куда пропало мыло?
Кому оно мешало?
Его навалом было —
И вдруг совсем не стало.

Мне надо вымыть руки
И ноги тоже надо,
Верните мыло, суки!
Верните мыло, гады!

НА СМЕРТЬ ГЕРОЯ

За что убили Чаушеску?
Ведь он ни в чем не виноват,
С ним поступили слишком резко,
В живот направив автомат.

Невинной жертвы образ чистый
Навек впечатался в сердца.
Как подобает коммунисту,
Он им остался до конца.

Ряды героев поредели
В течение считанных недель.
Друзья, мне страшно за Фиделя,
Скажи, ты жив еще, Фидель?

Я не могу без седуксена
В тревожной мгле сомкнуть очей,
Все представляю Ким Ир Сена
В кровавых лапах палачей.

Герои смерть не выбирают,
А я поэт, считай, герой.
Поэты тоже умирают
Не так, как хочется порой.

Но если мой черед настанет,
То я бы так вопрос решил —
Уж если умирать — как Сталин.
А жить — как Чаушеску жил.

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Вот и настало оно, время великих свершений,
вот и настало оно, вот и настало оно...
Цивилизованных строй кооператоров Ленин
нам завещал уходя, свет за собой погасив.
«Сталина личности культ много принес нам несчастий», —
так мне в селеньи одном мудрый поведал старик.
Жизнь — лишь отрезок пути между рождением и смертью.
Он у кого-то длинней, а у кого-то — увы.
Тут кое-где на местах разные мнения бытуют.
Это, товарищи, нас с вами пугать не должно.
«Нужно почаще бывать нам в трудовых коллективах», —
так мне в селеньи одном мудрый поведал старик.
Тот же поведал старик, что масоны во всем виноваты.
В чем-то, товарищи, да, но далеко не во всем.
Ельцин, Коротич, Попов, Сахаров, Гарин, Заславский,
Власов, Станкевич, Дикуль, Друцэ, Собчак, Горбачев.

Мазуров, Гроссу, Белов, Гвоздев, Мосол, Родионов,
Червонописский, Патон, Калиш, Касьян, Горбачев.
Есть преимущество у однопартийной системы,
но в чем оно состоит, смертному знать не дано.

* * *

Вот человек какой-то мочится
В подъезде дома моего.
Ему, наверно, очень хочется,
Но мне-то, мне-то каково?

Нарушить плавное течение
Его естественной струи
Не позволяют убеждения
Гуманитарные мои.

Пройти спокойно мимо этого
Не в силах я, как патриот...
Что делать, кто бы посоветовал,
Но вновь безмолвствует народ.

ЭЛЕГИЯ

Он тихо умер на рассвете
Вдали от Бога и людей.
Светило солнце,
Пели дети,
Омыта струями дождей,
Планета мерно совершала
Свой долгий, повседневный путь.
Ничто страдальцу не мешало
Спокойно ноги протянуть.

ЕЛКА В КРЕМЛЕ

В. Коркия

Объявлен Новый год в Кремле
Декретом ВЧК.

Играет Ленин на пиле
Бессмертного «сурка».

Смешались нынче времена
За праздничным столом,
Идет Столетняя война,
Татары под Орлом.

Какая ель, какая ель
В Кремле под Новый год!
Такой не видывал досель
Видавший все народ.

На ней усиленный наряд
Из пулеметных лент,
Висит матрос, висит солдат,
Висит интеллигент.

Метет, метет по всей земле
Железная метла,
Играет Ленин на пиле,
Чудны его дела.

Его аршином не понять
И не объять умом,
Он сам себе отец и мать
В лице своем одном.

В ночи печатая шаги,
Проходит через двор
До глаз закутан в плащ пурги
Лубянский командор.

Железный лях, а может, Лех,
Руси Первочекист,
Он принял грех за нас, за всех,
Но сам остался чист.

Подводит к елке Дед-Мороз
Снегурочку-Каплан,

Он в белом венчике из роз,
Она прошла афган.

В носу бензольное кольцо,
Во лбу звезда горит,
Ее недетское лицо
О многом говорит.

Играет Ленин на пиле
Заветы Ильича,
Плутает разум мой во мгле,
Оплавилась свеча.

На хорах певчие блюют,
И с криками «ура!»
Часы на Спасской башне бьют
Бухие любера.

СОДЕРЖАНИЕ

«Во дни державных потрясений...»	3
«Человек сидит на стуле...»	4
Летающий орел	4
«Кончался век, XX век...»	5
Пастораль	6
«Я женщину одну любил...»	6
Это что?	7
Это кто?	7
Мечта о крыльях	8
Городским поэтам	9
Про искусство	9
Клеветнику	10
Прощание	10
«Когда в вечернем воздухе порой...»	11
Моя Москва	11
Сюжет впотьмах	12
Застойная песнь	13
Автобус	14
Землекоп	15
Случай в больнице	16
Камея	17
«Меня зовут Иван Иванович...»	18
Песнь о юном кооператоре	19
Монолог на выдохе	20
Попытка к тексту	20
Версия	21

Про Петра	22
«Гуляли мы по высшей мерке...»	23
«Ероплан летит германский...»	23
«В помойке роется старушка...»	25
«Подайте, граждане, поэту!...»	25
«Печален за окном пейзаж...»	26
Депутатский запрос	26
На смерть героя	26
Подражание древним	27
«Вот человек какой-то мочится...»	28
Элегия	28
Елка в Кремле	28

ИРТЕНЬЕВ Игорь Моисеевич

ЕЛКА В КРЕМЛЕ

Стихи

Редактор А. И. Зайцев

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 04.09.91. Подписано к печати 10.10.91. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,35. Тираж 81000 экз. Зак. № 877. Цена 15 коп.

Типография издательства «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1991 ГОДА
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ «Тайна земли обетованной»;
А. ПЛАТОНОВ «Технический роман»;
В. КАРДИН «К вопросу о белых перчатках»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ «РОССИЯ—POESIA»;
В. ТОКАРЕВА «Старая собака»;
З. ГИППИУС «Последние стихи»;
В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик»;
Ф. ИСКАНДЕР «Поэты и цари»;
А. ХУРГИН «Лишняя десятка»;
Н. ИЛЬИНА «Власть тьмы»;
Н. КОРЖАВИН «Письмо в Москву»;
П. СТРУВЕ «Скорее за дело!»;
Л. РАЗГОН «Перед раскрытыми делами»;
Б. СЛУЦКИЙ «О других и о себе»;
Б. АХМАДУЛИНА «Побережье»;
Д. БАКИН «Цепь»;
В. СОЛОУХИН «Наваждение»;
Л. ПЛЕШАКОВ «Как трудно стать самим собой»;
Н. КЛЮЕВ «Песнь о Великой Матери»;
Б. ЧЕРНЫХ «Маленький портной».